

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОКТРИН ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

THEORETICAL ASPECTS OF THE DOCTRINES OF THE ENFORCEMENT OF FOREIGN DECISIONS IN THE MODERN LEGAL FIELD

M. Gaponov

Summary. The subject of the study is the legal aspects of the doctrines of the execution of foreign decisions in the modern legal field. In the context of a specific mechanism of legal regulation of recognition and enforcement of foreign decisions, the most significant point is the establishment of the object of the recognition in question and subsequent enforcement. At the same time, the immediate legal consequences caused by decisions formed by judicial instances may be implemented in a different country than the one whose court they were decided by. The very process of appropriate recognition of a decision formulated by a judicial instance of another country is giving these documents the same legal force as judicial decisions of one's own state. The purpose of the study is to study the theoretical aspects of the doctrines of the execution of foreign decisions as a comprehensive principled solution to problematic issues of this sphere of the legal field in the international space. These principles, in a systematic understanding, are a combination of four doctrines — international courtesy, reciprocity, the doctrine of acquired rights, and the latter includes the harmony achieved between law, on the one hand, and a judicial decision, on the other. At the same time, the significance of pointing to the fairness of recognition and enforcement of foreign decisions is predetermined by the potential possibility of refusing to implement the decision formulated by a foreign court, which may lead to a violation of the right of the subject of law, which is impossible not to recognize in the general category of international rights. This issue is quite relevant for the development of modern methodological approaches in the legal field for the use of practical aspects of doctrines in order to regulate issues of recognition and enforcement of court decisions. The author concludes that, despite the fact that the doctrines considered in the article have a force characteristic of the legal sphere, there is an impossibility of the practical exercise of the right to judicial proceedings based on the principle of justice, in the absence of certain guarantees for the subsequent implementation of the final court decision. As a fact, it should be noted that the mandatory conditions for this should determine the competence of the relevant court, as well as the protection of the existing domestic law and order. The main conclusion of the study is that doctrines are generally applied, but they are not simultaneously, in the totality of all doctrines, the conceptual basis for the recognition and enforcement of foreign judgments in the modern legal field, which does not allow us to consider the process of execution of foreign decisions only based on doctrines.

Гапонов Марат Дамирович
Аспирант, Российский государственный
университет правосудия (г. Москва)
gaponovm7@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования выступают аспекты доктрин исполнения иностранных решений в современном правовом поле. В контексте конкретного механизма правовой регламентации признания и исполнения иностранных решений наиболее значимым моментом выступает установление объекта рассматриваемого признания и последующего исполнения. При этом, непосредственные правовые последствия, обуславливаемые решениями, сформированными судебными инстанциями, могут реализовываться в иной стране, чем та, судом которой они были постановлены. Сам процесс соответствующего признания решения, сформулированного судебной инстанцией другой страны, представляет собой придание указанным документам аналогичной юридической силы, что и судебным решениям собственного государства. Целью исследования определяется изучение теоретических аспектов доктрин исполнения иностранных решений как комплексного принципиального решения проблемных вопросов данной сферы правового поля в международном пространстве. Данные принципы в системном понимании они представляют собой объединение четырех доктрин — международная вежливость, взаимность, доктрина приобретенных прав и к последней относится гармония, достигаемая между правом, с одной стороны, и судебным решением, с другой. При этом значимость указания на справедливость признания и исполнения иностранных решений предопределяется потенциальной возможностью отказа от практической реализации решения, сформулированного иностранной судебной инстанцией, что может обусловить нарушение права субъекта права, которое невозможно не признать в общей категории международных прав. Данный вопрос является достаточно актуальным для разработки современных методических подходов в правовом поле для использования практических аспектов доктрин с целью регулирования вопросов признания и исполнения судебных решений. Автор приходит к мнению о том, что несмотря на то, что рассматриваемые в статье доктрины обладают характерным для правовой сферы силой, существует невозможность практического осуществления права на осуществление судебного разбирательства, базирующегося на принципе справедливости, в отсутствии определенных гарантий последующей реализации итогового судебного решения. Как факт, необходимо заметить, что обязательными условиями при этом должны определяться компетентность соответствующей судебной инстанции, а также охрана существующего отечественного правопорядка. Основной вывод проведенного исследования состоит в том, что доктрины в общем смысле применяются, однако не являются одновременно в совокупности всех доктрин концептуальной основой признания и приведения исполнения иностранных судебных решений в современном правовом поле, что не позволяет рассматривать процесс исполнения иностранных решений только на основании доктрин.

Keywords: doctrine, foreign judicial decision, enforcement of foreign judicial decisions, justice, reciprocity, international courtesy, principle, recognition and enforcement, court decision.

Введение

Современная международно-правовая действительность демонстрирует наличие случаев, при которых ответчик по конкретному судебному делу располагается на территориальном пространстве иной страны. Представленные случаи обуславливают актуальность признания и последующей практической реализации таких решений в рамках государства ответчика.

Обозначенная проблематика становится все более острой, что определяется рядом соответствующих предпосылок, в частности, ростом внешнеэкономического функционирования со стороны субъектов хозяйствования, а также ускорением темпов и объемов миграции физических лиц. Исходная направленность установления и фиксации правил разрешения вариативных споров, связанных с гражданским и экономическим функционированием, ориентирована на благоприятствование совершению адекватных международно-правовых взаимодействий посредством становления конкретных гарантий последующей реализации обязательств, принятых на себя соответствующими сторонами. Правильное, справедливое и незатянутое судебное разбирательство положительно сказывается на развитии торговых взаимодействий, транснациональном сотрудничестве, вопросах трудовой миграции и пр. [9].

Как выше было отмечено, непосредственные правовые последствия, обуславливаемые решениями, сформированными судебными инстанциями, могут реализовываться в иной стране, чем та, судом которой они были постановлены. Сам процесс соответствующего признания решения, сформулированного судебной инстанцией другой страны, представляет собой придание указанным документам аналогичной юридической силы, что и судебным решениям собственного государства [4].

Особая значимость рассматриваемых вопросов обуславливается Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters). Представленный правовой документ недавно принят в рамках соответствующей

Ключевые слова: доктрина, иностранное судебное решение, исполнение иностранных судебных решений, справедливость, взаимность, международная вежливость, принцип, признание и исполнение, решение суда.

щей Гагской конференции [6]. Отдельно подчеркнем, что наше государство подписало от своего имени заключительный акт обозначенной сессии. Очевидно, что данный момент не тождествен автоматическому принятию конкретных международно-правовых обязательств, предопределяемых содержанием анализируемой Конвенции. Тем не менее, обозначенное обстоятельство наглядно свидетельствует об интенсивном интересе со стороны транснационального сообщества к становлению действенного механизма, обуславливающего качественную возможность признания решений, сформированных судебными инстанциями, по аналогии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г. Непосредственные разработчики исследуемого документа учли существование существенных разногласий, выражаемых отдельными странами, что получило наглядное воплощение в виде наделения сторон правом фиксации оговорки, закрепляющей недопустимость использования Конвенции к отдельным странам-участницам. Указанное право предусмотрено ч. 2 ст. 29 рассматриваемого документа.

В целом, механизмы транснациональных взаимодействий, связанных с практической реализацией решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, отличаются существенным исходным фундаментом. В частности, как свидетельствует позиция Г. Радбруха, суть права раскрывается в качестве действительности, основная значимость и ценность которой состоит в обеспечении справедливости [12]. В анализируемом контексте существенным представляется мнение А.И. Муранова, интерпретирующего решение на практическую реализацию решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, как особый инструмент достижения справедливости в рамках транснациональных гражданских и торговых взаимодействий [10].

Кроме того, значимость указания на справедливость предопределяется потенциальной возможностью отказа от практической реализации решения, сформулированного иностранной судебной инстанцией обусловить нарушение права индивида, относящегося к категории общепризнанных. Так, речь идет о праве лица на судебное разбирательство, базирующееся на принципе справедливости. Также вышеобозначенный отказ вступает в диссонанс с международно-правовыми обязательствами стран. В частности, речь идет о соблюдении

принципа *jus cogens*, предполагающего потребность сотрудничества со стороны публично-властных субъектов для благоприятствования благосостоянию всех народов.

Основная часть

Исходя из конкретных международно-правовых принципов, правила и алгоритм практической реализации решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями и арбитражами, определяются положениями, объединенными соответствующими международными соглашениями, а также нормами внутригосударственного законодательства страны, в которой требуется такая реализация.

В случае, когда соответствующего вышепредставленного международного соглашения нет, исходной базой регламентации выступают общие принципы практической реализации анализируемых решений. Отметим, что согласно позиции отдельных зарубежных исследователей, источником такого признания и реализации выступает обязанность судебной инстанции к вменению правосудия, исходя из собственных взглядов [7].

Совокупность вышеобозначенных общих принципов объединяет четыре соответствующих доктрины. В частности, первой из них определяется международная вежливость, следующей выступает взаимность, третьей является доктрина приобретенных прав, к последней относится гармония, достигаемая между правом, с одной стороны, и судебным решением, с другой. Проанализируем представленные положения.

Итак, прежде всего, рассмотрим доктрину международной вежливости (*comity, comity of nations*). Данный принцип характеризуется высокой значимостью при рассмотрении судебных дел, которые связаны с порядком другого государства. Фактически, судебное признание важности и потребности международной вежливости демонстрирует факт присутствия конкретной концепции, сформированной аккумулированной судебной практикой, и предполагающей практическое использование иностранного закона вследствие проявления уважения к суверенитету соответствующей страны. Другой вариант предусматривает ограничение собственной национальной юрисдикции, обуславливаемое тождественной причиной [1].

При этом вышепредставленная доктрина отличается общим характером собственного применения, что не допускает ее интерпретацию в качестве условия признания и последующей практической реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями.

Среди преимущественных международно-правовых принципов, характеризующихся общепризнанностью, выделяется сотрудничество стран. Данный принцип зафиксирован п. 3 ст. 1 Устава ООН. Кроме того, положениями, объединенными текстом Декларации о принципах международного права 1970 г., перечисляющая общепризнанные принципы международного права, непосредственно утверждается обязанность стран, заключающаяся в их взаимном сотрудничестве.

Наряду с иными предпосылками своего становления, рассматриваемый принцип сотрудничества опирается на результаты теории игр, обусловленные преодолением дилеммы заключенного. Так, произведя ряд соответствующих экспериментов, исследователи выяснили экономическую преимущественность реализации альтруистических стратегий, исходно базируемых на сотрудничестве. При этом самой предпочтительной оказалась стратегия *tit-for-tat* (иными словами «око за око»; далее — TFT). Положения указанной стратегии предусматривают применение в процессе первого хода принципов сотрудничества, после чего предпочтение отдается повтору последующих решений, принимаемых соответствующим оппонентом. Согласно позиции биологов, TFT, наряду с тем, что она является наиболее действенным преодолением дилеммы заключенного, также представляет собой наиболее продуктивную эволюционную стратегию. Так, данного мнения придерживается, достаточно много зарубежных исследователей [14, 16].

Согласно представлениям исследователей, возникновение и совершенствование актуальной доктрины правового сотрудничества (*international comity*) произошло в США [3]. Так, в качестве непосредственного примера приводят судебное требование, заявленное в 1895 г. со стороны гражданина Франции, и рассмотренное ВС США. Изучив предмет требования, ВС США отметил отсутствие положений федерального законодательства, регламентирующих постановленный вопрос, а также отсутствие соответствующего международного соглашения, заключенного с Францией. Исходя из указанных обстоятельств, ВС США определил потребность исходить в такой ситуации из принципа международной вежливости. При этом одновременно предусматривался отказ в признании и последующей практической реализации французского судебного решения. Представленный отказ аргументировался тем, что конкретный принцип «*comity*» не предполагает автоматическую возможность практической реализации решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, когда в тождественных ситуациях французские судебные инстанции не реализовывали бы на основе взаимности американские судебные решения [16].

Иными словами, несмотря на то, что по американскому законодательству рассматриваемая доктрина вежливости интерпретируется в качестве базы для соответствующего признания решений, сформированных зарубежными судебными инстанциями [8], данный момент не гарантирует автоматического ее использования.

Согласно позиции судебной системы Австралии, ведущее значение исследуемого принципа состоит в толковании положений национального законодательства, обладающих потенциальной способностью к формированию правовых эффектов вне территориального пространства исходного государства [13]. В целом, рассматриваемые суды проявляют лояльность к практическому вменению принципа вежливости, при обязательном условии, что судебные инстанции страны соответствующего решения демонстрируют тождественную лояльность в отношении практической реализации австралийских судебных решений в рамках собственного территориального пространства.

Что касается судебной системы Великобритании, то временная протяженность реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, исходя из принципов международной вежливости, насчитывает весьма длительный период, отсчет которого начинается еще в XVII в. Согласно принятой в рассматриваемой стране позиции, международное право напрямую обуславливает потребность судебных инстанций одного государства способствовать судебным инстанциям другого. Кроме того, Английские суды исходили из того, что в случае отсутствия практической реализации на территории их страны зарубежных судебных решений, их собственные решения, в свою очередь, не найдут соответствующего исполнения в других государствах [11]. В целом, представленный исторический факт свидетельствует о становлении исходных основ последующей доктрины взаимности.

В представленном контексте, взаимность интерпретируется в качестве признания и последующей практической реализации решений, сформулированных иностранными судебными инстанциями, при неотъемлемом соблюдении аналогичного порядка зарубежной страной, отправителем такого решения.

Доктрина взаимности, указания на которую порой встречаются в западных источниках, отличается наличием определенной взаимосвязи с содержанием транснациональной доктрины вежливости. Здесь непосредственная сущность данного принципа интерпретируется в значении, сходном с реторсией. Иными словами, в качестве основания, обуславливающего отказ в признании и последующей принудительной реализа-

ции решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, выступает отсутствие во внутригосударственном законодательстве страны постановления соответствующего решения потребности применения принципа *res judicata* в контексте решений, вынесенных судебными инстанциями страны, в которой требуется такая реализация [8].

Подчеркнем, что значительное число научных трудов [2; 11; 13], предметом изысканий в которых выступают аспекты признания и последующей реализации решений, постановленных зарубежными судебными инстанциями, оба вышепредставленных принципа (а именно, международная вежливость, а также взаимность) рассматриваются в едином контексте, определяясь как общая предпосылка для соответствующего признания и реализации.

Существует и иная позиция, разделяющая вышеуказанные принципы. В частности, взаимность рассматривается как адекватное основание для осуществления рассматриваемой реализации зарубежных решений, тогда как международная вежливость, напротив, к таким основаниям не причисляется [16].

С точки зрения К.Л. Брановицкого, суть взаимности в некотором смысле тождественна конкретному международно-правовому принципу, а именно, равенству и сотрудничеству [1, 2]. Далее представленный исследователь высказывает справедливую позицию, согласно которой равенство и сотрудничество представляют собой исходный источник публичного аспекта рассматриваемых вопросов, тогда как принцип взаимности скорее является источником частноправового их аспекта.

В исследуемом контексте определенный интерес представляет опыт, аккумулированный ЕС. В частности, согласно позиции, сформированной Европейским Судом по правам человека, наличие недопустимости реализации решений, постановленных зарубежными судебными инстанциями, на фоне отсутствия соответствующего международного соглашений, истолковывается в качестве нарушения права индивида на суд. Напомним, что данное право определено и закреплено ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Иными словами, при наличии представленных обстоятельств, постановление судебного решения и последующее отсутствие его практической реализации, обусловленное формальным признаком, является существенным нарушением выше представленного права. Значимость и актуальность обозначенного подхода обуславливаются его непосредственной взаимосвязью с наличествующим у индивида правом, а также способствованием сохранению соответствующего доступа к правосудию.

Также присутствует позиция, согласно которой взаимность интерпретируется как определенная процессуальная презумпция, адресующая должнику потребность соответствующего опровержения. Итак, наличие взаимности обуславливается непосредственной зависимостью от такового со стороны реализации зарубежного права, а также отсутствием доказательств другого.

Исходя из представленных обстоятельств, общемировая судебная практика демонстрирует значительное число ситуаций, при которых исходным условием формирования определения судебной инстанции о признании и реализации решения, сформулированного зарубежным судом, выступает принцип взаимности, при неотъемлемом наличии доказательств, что судебные инстанции такой зарубежной страны аналогично будут производить тождественные действия в отношении судебных решений государства, осуществляющего такое признание и реализацию.

В рамках транснациональных взаимодействий значительным вменением характеризуется принцип взаимной вежливости (*comitas gentium*) [5]. В представленном контексте вежливость подразумевает добровольное соблюдение публично-властными субъектами в транснациональных взаимодействиях положений, которые не закреплены нормами международного права.

Так, отталкиваясь от изучения существующих судебных решений, для интерпретации взаимности присутствует два варианта. Первый из представленных вариантов предполагает резюмирование судебной инстанцией указанного принципа при осуществлении признания зарубежного судебного решения. Второй вариант предполагает т.н. негативную взаимность, при которой судебная инстанция вынуждает к предоставлению доказательств факта наличия такого принципа.

В целом, подчеркнем отсутствие универсального международно-правового обычая, предусматривающего четкую обязанность, заключающуюся в признании зарубежных судебных решений. В ситуации, когда между странами нет соответствующего международного соглашения, каждая из них самостоятельно устанавливает возможность непосредственного признаний и конкретные условия, требуемые к соблюдению.

Согласно позиции, сформулированной отдельными исследователями, причиной, предопределяющей невозможность установления вышерассмотренных принципов в качестве исходных источников непосредственной потребности признания и реализации, рассматриваемых в настоящей статье, выступает недопу-

стимость интерпретации непризнания и не реализации в качестве нарушения принципа, предусматриваемого международной вежливостью, что, в свою очередь, обуславливается принципом суверенитета.

Таким образом, функционирование суверенных государств, отличающихся желанием формирования собственных правовых позиций, обуславливаемых реализацией своих устремлений и интересов, выступает предпосылкой невозможности становления общего механизма признания и последующей реализации решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, равно как и обеспечения полной унификации их национальных законодательств [2].

Следующей из исследуемых доктрин определяется доктрина приобретенных прав. Исходя из сути представленного положения, предполагается зависимость между признанием и последующей реализацией решения, сформулированного зарубежной судебной инстанцией, с одной стороны, и принципом, предусматривающим потребность охраны прав, полученных в зарубежной стране, с другой. Согласно анализируемой доктрине, конкретные права, сформированные полномочной судебной инстанцией, характеризуются потребностью признания и последующего принудительного исполнения везде, что обуславливается универсальным правилом, предусматривающим уважение к правам, становление которых предопределяется внутригосударственным законодательством зарубежных стран. Неотъемлемым условием реализации указанного правила выступает отсутствие противоречия таких прав внедряемой политике, осуществляемой страной, в которой требуется соответствующая реализация, а также вреда ее интересам.

Охрана прав, которые были получены в зарубежной стране, отличается существенной взаимообусловленностью с принципом справедливости. При этом функционирование последнего в общем его виде способно вызывать определенные сомнения. В частности, допустима ситуация, при которой судебное решение, при постановлении которого были тщательно соблюдены все законодательные положения конкретного государства, и соответствующее морально-нравственным нормам, в нем установленным, вступает в диссонанс с публичным порядком страны, в рамках территориального пространства которой оно предполагается к реализации. Иными словами, судебное решение, полностью соответствующее принципу справедливости в одном государстве, не предполагает автоматическую тождественную оценку в иной стране.

Следующая доктрина предполагает наличие гармонии, достигаемой между правом, с одной стороны, и су-

дебным решением, с другой. Согласно обозначенной доктрине, существует взаимосвязь между признанием решений, сформулированных зарубежными судебными инстанциями, и использованием норм зарубежного законодательства. Иными словами, подчеркивается сходство закона, с одной стороны, и судебного решения, с другой, когда последнее определяется как закон, требуемый к непосредственному использованию в рамках конкретного спора.

В представленном контексте сложность заключается в аргументации допустимости реализации рассматриваемого решения потребностью охраны прав, становление которых обусловлено зарубежным национальным законодательством.

В рамках научных источников присутствует аргументация представленной потребности, исходя из представлений, связанных с правовым характером и идеями общественной ценности, базирующимися на справедливости, отличающей безотносительно приобретенные права. Предоставление официальной возможности реализации решения, сформулированного зарубежными судебными инстанциями, интерпретируется в качестве особого инструмента, способствующего становлению справедливости в рамках транснациональных гражданских и торговых взаимодействий.

Считается, что достаточным условием для реализации рассматриваемых решений определяется их удовлетворение определенным критериям справедливости, принятым в стране, где требуется соответствующая реализация.

Вынесение отказа в реализации по причине несоответствия конкретного решения публичному порядку, существующему в определенной стране, может интерпретироваться в качестве ущемления прав, принадлежащих взыскателя. При этом данный момент может также толковаться как восстановление прав, находящихся у должника. В каждом случае актуальной представляется потребность соблюдения тщательного баланса между интересами страны, постановившей конкретное судебное решение, с одной стороны, и государства, где требуется его реализация, с другой.

Отмеченная ранее универсальная Конвенция обладает потенциальной способностью выступить в качестве правовой основы транснационального признания и реализации рассматриваемых решений.

Заключение

Таким образом, подводя совокупное заключение представленной информации, дополнительно отметим

невозможность практического осуществления права на осуществление судебного разбирательства, базирующегося на принципе справедливости, в отсутствие определенных гарантий последующей реализации итогового судебного решения. Естественно, что обязательными условиями при этом должны определяться компетентность соответствующей судебной инстанции, а также охрана существующего отечественного правопорядка. Например, наличие оговорки о публичном порядке является достойным «фильтром» для такого положения.

Также отметим, что позиции, систематически публикуемые в рамках специальных источников, указывают на то, что реализация решения в отсутствие договора не соответствует отечественным национальным интересам, а также затрагивает аспекты суверенитета нашего государства, обуславливаются игнорированием потребности проведения качественного политико-правового анализа в ходе интерпретации закона.

В итоге необходимо акцентировать внимание на том, что в ходе реализации отечественными судебными инстанциями зарубежных решений при отсутствии соответствующего международного соглашения применяются следующие инструменты, в частности: прямое использование ст. 6 Европейской конвенции, употребление положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г., использование принципа международной вежливости, а также расширительная интерпретация международных договоров, отличающихся общим характером. Представляется вполне очевидным, что возможность становления прозрачного и предсказуемого алгоритма транснационального оборота существующих многовариативных судебных решений обуславливается необходимостью максимально полного круга участвующих в данном процессе субъектов. В представленном контексте видится необходимым присоединение нашей стране к вышеприведенной новой Конвенции, а равно внесение корректировок в актуальные процессуальные кодексы посредством определения и фиксации презюмируемой взаимности.

Особое внимание необходимо сфокусировать на невозможности отдельного самостоятельного использования проанализированных в настоящей работе доктрин в качестве исходного фундамента признания и реализации рассматриваемых решений (иными словами, в отрыве от других). Кроме того, недопустимо исходить лишь из данных доктрин при установлении неотъемлемости такой реализации. Именно потому странами формируются и подписываются соответствующие вариативные международные соглашения (как между двумя конкретными государствами, так и многосторонние).

ЛИТЕРАТУРА

1. Брановицкий К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе / Арбитражный и гражданский процесс. — М., 2005. -№ 8. — С. 27.
2. Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): автореф. дис. . . . д.ю. н. Екатеринбург, 2019. 30 с.
3. Власова Н.В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений / Н.В. Власова // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 10 (61). — С. 190–196.
4. Гинзбург И.В., Аграшева О.Е. Исполнение иностранных судебных решений: теория и практика // Сборник материалов IV Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию СЮИ-СГЮА «Перспективы развития гражданского процессуального права». — Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. Академии. 2020. С. 28–32.
5. Евсеев П.Н. Сотрудничество органов юстиции по договорам о правовой помощи / П.Н. Евсеев // Правовое сотрудничество между социалистическими государствами; отв. ред. В.С. Тадевосян. — М: ИМО. 1962. — С. 175–182.
6. Засемкова О.Ф. «Судейская конвенция» как новый этап на пути признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Lex russica. 2019. №10. С. 84–103.
7. Изюмова Д.А., Корякова Е.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений в отечественном гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 709–715.
8. Кайсин Д.В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. — 2014. — № 6. — С. 152–160.
9. Кузьяков Д.К. Правоприменительная основа признания иностранных арбитражных решений / Д.К. Кузьяков // Colloquium-Journal. — 2019. — № 15 (39). — С. 49–51.
10. Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов / А.И. Муранов. — М.: Юстицинформ, 2002. — 168 с.
11. Попов В.В. Основания признания и исполнения иностранных судебных решений в России // Вопросы российской юстиции. 2021, № 15. С. 137–152.
12. Радбрух Г/ Философия права / Г Радбрух; Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. — М.: Междунар. отношения, 2004. — 238 с.
13. Яцук Н.П. Европейский разворот в регулировании признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений в Российской Федерации / Н.П. Яцук // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 5. — С. 50–58.
14. Fali S. Nariman. The Convention contribution to the globalization of international commercial arbitration // Enforcing Arbitration Awards under the New York Convention. Experience and Prospects. — New York: United Nations, 2001. — P. 131–146.
15. Schultz T., Ridi N. Comity: the American development of a transnational concept // Yearbook of private international law: 2016/2017. — В., 2017. -Vol. 18. -P. 225.
16. Schultz T. Navigating sovereignty and transnational commercial law: The use of comity by Australian courts // King's college London Dickson Poon school of law legal studies research paper series. -L., 2016. — № 2. -P. 8–9.

© Гапонов Марат Дамирович (garonovm7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»